

УДК 811.161.1

DOI: 10.18384/2310-7278-2021-3-41-47

ЭКСПРЕССИВНЫЕ СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ СРЕДСТВА В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО

Николина Н. А.*Московский педагогический государственный университет
119435, г. Москва, ул. Малая Пироговская, д. 1, Российская Федерация***Аннотация**

Цель. Выявить и описать экспрессивные словообразовательные средства в прозе Ф. М. Достоевского.

Процедура и методы. Проанализирован корпус текстов. Проведён структурно-семантический анализ словообразовательных инноваций и экспрессивных дериватов, извлечённых из текстов Ф. М. Достоевского сплошной выборкой, с использованием методов наблюдения, обобщения и описания.

Результаты. По итогам исследования выявлены типы новообразований и их функции в прозе Ф. М. Достоевского. Показано, что словотворчество играет важную роль в структуре текстов писателя. Наряду с новообразованиями, выделены и рассмотрены наиболее продуктивные в прозе Ф. М. Достоевского типы дериватов и словообразовательные гнезда, значимые для интерпретации текстов. Отмечены случаи морфемного повтора, описаны его типы и функции.

Теоретическая и/или практическая значимость. Теоретическая значимость исследования определяется разработкой методологии анализа словообразовательных средств в художественном тексте и выявлением тенденций в словотворчестве на материале текстов XIX в. Практическая значимость работы обусловлена возможностью использования её материалов в практике преподавания курсов «Словообразование» и «Филологический анализ текста».

Ключевые слова: идиостиль, новообразование, потенциальные слова, аугментативы, диминутивы, морфемный повтор, экспрессивность

EXPRESSIVE WORDS IN THE WORKS OF M. DOSTOEVSKY

N. Nikolina*Moscow State Pedagogical University,
1 Malaya Pirogovskaya ul., Moscow 119435, Russian Federation***Abstract**

Aim. To identify and describe expressive word-formation means in the prose of F. Dostoevsky.

Methodology. The corpus of texts is analyzed. The author of the article has carried out a structural-semantic analysis of word-formation innovations and expressive derivatives extracted from the texts of F. Dostoevsky by a continuous sample, using the methods of observation, generalization and description.

Results. As a result of the study, the types of newly created words and their functions in the prose of F. Dostoevsky were revealed. It is shown that word creation plays an important role in the structure of the writer's texts. Along with the new formations, the most productive types of derivatives and word-formation nests that are significant for the interpretation of texts are identified and considered in Dostoevsky's prose. Cases of morpheme repetition are noted, its types and functions are described.

Research implications. The theoretical significance of the article is determined by the development of a methodology for the analysis of word-formation means in a literary text and the identification of trends in word-creation on the material of the texts of the 19th century. The practical significance of the

work is in the possibility of using its materials in the practice of teaching courses "Word formation" and "Philological analysis of the text."

Keywords: idiostyle, newly created words, potential words, augmentatives, diminutives, morpheme repetition, expressiveness

Введение

Идиостиль Ф. М. Достоевского изучался и изучается в разных аспектах. Рассматривались особенности полифонической нарративной структуры его романов, образительные средства в текстах писателя [10], исследован синтаксис художественной прозы Ф. М. Достоевского [3], выявлены и описаны языковые средства, определяющие своеобразие его стиля: «знаки чрезмерности» и «классификаторы неопределённости» [4], составлен статистический словарь языка Ф. М. Достоевского [11], ведётся работа над многотомным словарем языка писателя, в связи с этим активно изучается его тезаурус [9], исследованы ключевые в творчестве Ф. М. Достоевского концепты, например, концепт «Тоска» [1], проведён лингвостилистический анализ ряда произведений писателя. В то же время недостаточным изученными остаются экспрессивные словообразовательные средства, которые используются в текстах Ф. М. Достоевского и во многом определяют своеобразие его индивидуального стиля.

Новообразования в прозе Ф. М. Достоевского

И в художественных произведениях, и в публицистике Ф. М. Достоевский неоднократно обращался к новообразованиям разных типов, которые были для него «способом преодоления автоматизма речи и через него – механистичности и стандартизированной жизни» [8, с. 110]. Ф. М. Достоевский отстаивал право писателя на словотворчество, его привлекали языковая игра, экспрессивные необычные образования, возникавшие в разговорной речи и диалектах. Характерно в этом плане ироничное предложение

Ф. М. Достоевского ввести в широкое употребление сращение *дарвалдая*:

«Дарвалдая. Я предлагаю принять за новый глагол. Смешнее представить себе нельзя что-нибудь, как город Валдай, дарящий колокольчики. К тому же глагол этот известен всей России ... Но все, во всех слоях пели дар Валдая не как дар Валдая, а как дарвалдая, то есть в виде глагола, изображающего что-то мотающееся и звенящее, можно говорить про всех мотающихся и звенящих или стучащих – он дарвалдает. Можно даже сделать существительное "дарвалдай" и приложить его ко всем сочинителям брошюр "Быть или не быть" ... Можно взять и фамилию Дарвалдаев, в роман или водевиль, для изображения несомнительного молодого человека, с претензиями, человека консервативного или либерального, все равно» (21, с. 264)¹.

Ф. М. Достоевский максимально расширяет круг слов (словосочетаний), мотивирующих новообразования: с этой целью он использует фразеологические единицы, иноязычные слова, неузвальную лексику. Ср., например: *«...прямой, законный, непосредственный плод сознания – это инерция, то есть сознательное сложа-руки-сиденье» (5, с. 108). «Вуйками я называю тех девиц, которые до тридцати почти лет отвечают вам: вуй да нон...» (Дневник писателя, 22, с. 10). «Эта наглость наивности, эта несомневаемость глупого человека в себе и своём таланте превосходно выставлена Гоголем...» (Идиот, 8, с. 385).*

В словотворчестве отразились особенности стиля писателя, «ценного уже своей освободительной энергией, своим мятежом против условной литературной фальши, чопорной гладкости и аффектации» [2,

¹ Все цитаты из произведений Ф. М. Достоевского приводятся по изданию: Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений: в 30 т. Л., 1972–1990 – с указанием номера тома и страниц в скобках.

с. 175]. В прозе Ф. М. Достоевского преобладают потенциальные слова, т. е. новообразования, созданные по продуктивным словообразовательным моделям. Прежде всего, в текстах писателя регулярно встречаются аугментативы – производные с увеличительно-усилительным значением – и глаголы с семантикой интенсификации, которые выражают гиперболическую оценку: «*Это я соврал, архисоврал*» (Подросток, 13, с. 261). «*Вообще я сделал замечание, что будь разгений, но в публичном лёгком литературном чтении нельзя занимать собою публику более двадцати минут безнаказанно*» (Бесы, 10, с. 363); «... *помещик и раскапиталист...*» (Идиот, 8, с. 10).

В текстах Достоевского такие производные взаимодействуют с другими интенсификаторами (наречиями меры и степени, прилагательными *беспредельный, безмерный* и др.), создавая «огненную и экстагическую» (Н. Бердяев) атмосферу художественного мира писателя. Одновременно в текстах Достоевского последовательно используются диминутивы, которые выражают не только уменьшительное, но и экспрессивно-оценочное значение, чаще всего иронически-пренебрежительное. Такие диминутивы образуются от разных основ, в том числе и с непередметным значением; см., например: *баишачонки, идеяка, квартирёнка, королевщице, педантик, процессик, развратик, самоотверженнице, чиновничиха* и др. В результате средства экспрессивной гиперболизации сочетаются со средствами ослабления признака или снижения оценки. Интенсивное употребление дериватов с аффиксами субъективной оценки – отличительная черта идиостиля Ф. М. Достоевского.

Наряду с ними в текстах писателя часто встречаются:

– глаголы-новообразования, образованные префиксально-постфиксальным и постфиксальным способами: *заподличаться, отшепнуться, отхихикнуться, провратиться, увизжаться, изубыточиться, исподлиться, исхарчиться, расчастливиться*;

– глаголы-новообразования, мотивированные именами прилагательными или существительными, с формантом *-ича / -нича*: *амбициозничать, иезуитничать, подобострастничать, подробничать, развязничать, экспансивничать*;

– префиксально-суффиксальные глаголы со значением ‘придать какое-либо свойство кому или чему-либо’: *огуманить, одичить, оказенить, омертвить*;

– сложные слова с префиксоидами *само, вс(е)*: *самоказнь, самопрезрение, саморисование; всеобъятие, всеслужение, всеславянин, всечеловек*;

– отвлечённые имена существительные с формантами *-ость* и *-щина*: *сапожность, комильфотность, карамазовщина, шигалевщина* и др.

Особую группу новообразований составляют сложные прилагательные, в целом характерные для прозы XIX в. и выполняющие часто функцию эпитетов, например: *благородно-развязный, невинно-нахальный взгляд, оловянно-бессмысленные глаза, дурачки-важный вид, бессильно-вызывающий голос, смиренно-грешный народ* и др.

Как видим, словообразовательные инновации Ф. М. Достоевского образуются преимущественно суффиксацией, комплексными аффиксальными способами и сложением.

Кроме того, используется сравнительно редко встречающийся в прозе XIX в. способ – сращение во взаимодействии с суффиксацией: *всемство* (от все мы), *сложаруки-сиденье, четвертьсловное* (объяснение), *третьегодняшняя* (бекеша), *малословесный, бесконечноэтажный*.

Отмечаются также немногочисленные окказионализмы, образованные контаминацией: *облизьяна* (облизать-облизывать + обезьяна), *сверлива* (сверлить + ворчлива), *холостёжь* (холостой + молодёжь). Обращение к контаминации (скорнению) сближает Ф. М. Достоевского с Н. С. Лесковым, в произведениях которого встречается множество гибридных слов разных структурных типов.

Новообразования Ф. М. Достоевского многофункциональны: они выступают в экспрессивно-оценочной, собственно номинативной и компрессивной функциях. В последнем случае новообразование служит для свёртывания словосочетания: «Речь Достоевского точно торопится и задыхается. Слова то громоздятся беспорядочной толпой, как будто мысль торопливо ищет себе выражения и не может схватить его, то обрывается коротко, резко, падает отрывистыми фразами, иногда одним словом там, где грамматически необходимо было бы целое предложение» [7, с. 136]. Часто свёртывается сочетание слов, представленное в том же контексте. Ср., например:

«Чай разливала тридцатилетняя дева, сестра хозяйки, безбровая и белобрысая...

– Ставрогину чай, – скомандовала она (хозяйка) разливательнице» (Бесы, 10, с. 30).

«Какая-то дама ... в куцавейке ... выглянула из дверей...

– Я было хотел познакомиться с Ипполитом, – сказал Коля, – он старший сын этой куцавешной капитанши» (Идиот, 8, с. 112).

Морфемный повтор и его функции в произведениях Ф. М. Достоевского

Для произведений Ф. М. Достоевского характерно обнажение деривационных связей слов, актуализирующее семантику корня или аффикса; см., например: «Эти господа всезнайки встречаются иногда, даже довольно часто, в известном общественном слое... Они всё знают... Под словом "всё знают" нужно разуместь, впрочем, область довольно ограниченную: где служил такой-то, с кем он знаком, сколько у него состояния» (Идиот, 8, с. 8). «Что такое значит русский администратор, говоря вообще, и что значит русский администратор внове, то есть нововыпеченно-вопоставленный...» (Бесы). «Везде было накрошено, насолено, намочено» (Бесы, 10, с. 113). «Появился господин Голядкин-младший... шалун, прыгун, лизун, хохотун» (Двойник, 1, с. 194).

Морфемные повторы выполняют усиительно-выделительную функцию. Высокая плотность их определяет экспрессивную и эмоциональную тональность текста или его фрагмента. Так, концентрация аффиксов субъективной оценки, образующих диминутивы, в описаниях Кармазинова в романе «Бесы» выражает иронию повествователя. Ср.: «*Это был очень невысокий, чопорный старичок... с довольно румяным личиком, с густыми седенькими локончиками, выбивавшимися из-под круглой цилиндрической шляпы и завивавшимися около чистеньких, розовеньких, малененьких ушков его... Все мелкие вещицы его костюма: запоночки, воротнички, пуговики, черепаховый лорнет на чёрной тоненькой ленточке, перстенёк непременно были такие же, как у людей безукоризненно хорошего тона*» (10, с. 70–71). «*Господин Кармазинов был в какой-то домашней кацавеечке на вате, вроде как бы жакеточки, с перламутровыми пуговками, но слишком уж коротенькой, что вовсе и не шло к его довольно сытенькому брюшку...*» (10, с. 285).

Актуализация семантики аффикса в произведениях Ф. М. Достоевского позволяет рассматривать повторяющийся префикс или суффикс как средство создания микрообраза, значимого для интерпретации текста в целом. Так, повтор префиксов *пре-* и *пере-* в романе «Преступление и наказание» связан с развёртыванием образа предела, той черты, которую преступает Раскольников; см., например: «*Во всём есть черта, за которую перейти опасно; ибо, раз переступив, воротить назад невозможно*» (6, с. 230). «*Разве ты не то же сделала? Ты тоже переступила, ... смогла переступить*» (6, с. 252).

Регулярный повтор префикса *без-* в тексте романа «Бесы» также неслучаен: он, с одной стороны, создаёт определённый звуковой образ, коррелирующий с заглавием произведения, с другой, выделяет, акцентируя, основную тему романа.

Наряду с повтором аффиксов, в произведениях Достоевского используется приём их противопоставления в одном контексте. Например:

«– Низвожу Бога до атрибута народности? – вскричал Шатов. – Напротив, народ возношу до Бога» (Бесы, 10, с.199).

Ещё более значимую роль играет в произведениях Достоевского корневой повтор. Он служит средством интенсификации обозначаемых признаков, выделяет тему контекста или композиционной части, а также текста в целом, «обнажает» его семантическую структуру, способствует развёртыванию определённого мотива. Корневой повтор определяет смысловые доминанты монологов персонажей и авторских комментариев или описаний в полифонической структуре романов и повестей Ф. М. Достоевского.

Например, в повести «Кроткая», по подсчётам исследователей, корень *молч*-42 раза повторяется в тексте [5, с. 97]. Наряду с ним высокочастотен корень *смех* (и его алломорфы) – он встречается в тексте более 30 раз. «Молчание жертвы становится протестом и вместе с тем усугубляет ужас ситуации психологического террора. Иногда молчание героини сопровождается, как считает герой, насмешкой над ним. Самолюбие Ростовщика постоянно уязвлено из-за этой устойчиво-молчаливой насмешки. Именно она является лейтмотивом повествования» [5, с. 97–98].

Корневой повтор в повести «Кроткая», которая представляет собой «диалогизированный нарративный монолог» [12, с. 61], носит текстообразующий характер, но функцию оформления и акцентирования темы такой повтор выполняет и в микроконтекстах речи повествователя, либо развёрнутых репликах персонажа. Так, в репликах Кириллова в романе «Бесы» концентрируются лексические единицы с корнями *бог* и *вол(я)*.

В романе «Братья Карамазовы» в снепрозрении Мити повторяются лексические единицы с корнем *черн*- и корнем *гор*-. Их взаимодействие служит средством создания образов «чёрной беды», которая преодолевается очистительным огнём преображённой души:

«И вот недалеко селение, виднеются избы чёрные-пречёрные, а половина изб погорела, торчат только одни обгорелые брёвна...

– Нет, нет, – всё будто ещё не понимает Митя, – ты скажи: почему это стоят погорелые матери, почему бедные люди, почему бедно дитё ... И вот загорелось всё его сердце и устремилось к какому-то свету, и хочется ему жить и жить, идти и идти в какой-то путь, к новому, зовущему свету...» (14, с. 456–457).

Словообразовательные гнёзда, представленные в текстах произведений Достоевского, служат средством выражения концептов, значимых для художественного мира писателя. В романе «Идиот» это, например, гнёзда с вершинами *страсть* и *страдать*, в романе «Преступление и наказание» гнездо с вершинами *странный* и *преступить*. Ряд словообразовательных гнёзд объединяет несколько произведений писателя. Это гнёзда с вершинами *верить*, *гордый*, *любовь*, *свет*, *страдать*, *широкий*; см., например:

«Широкость ли это особенная в русском человеке, которая его далеко поведёт, или просто подлость – вот вопрос!» (Подросток, 13, с. 307). «Русские люди вообще широкие люди ... широкие, как их земля, и чрезвычайно склонны к фантастическому и беспорядочному» (Преступление и наказание, 6, с. 378). «Нет, широк человек, слишком широк, я бы сузил...» (Братья Карамазовы, 14, с.100).

«Словообразовательный повтор актуализирует как отношения сближения, так и отношения противопоставления и тем самым служит не только средством создания доминант, но и способом выделения оппозиций» [6, с. 62]. Таковы, например, оппозиции *благообразие* – *безобразия* в романе «Подросток», *вера* – *безверие* в романе «Бесы». Таким образом, повтор морфем определяет не только экспрессивность текстов Достоевского, но и выделяет концептуальные доминанты произведений писателя, служит средством развёртывания тем и мотивов, значимых для художественного мира писателя.

Заключение

Анализ текстов Ф. М. Достоевского показал, что экспрессивные словообразовательные средства в его произведениях представлены:

- 1) новообразованиями;
- 2) дериватами с семантикой интенсивности, ослабления признака, эмоциональной оценки;
- 3) повтором корней и аффиксов.

Экспрессивные словообразовательные средства определяют своеобразие идиостиля писателя. Они служат средством

эмоциональной гиперболизации, выделяют значимые для семантической композиции произведения смыслы, выражают авторскую оценку или оценку персонажа, формируют словообразовательные гнезда, развивающие ключевые темы и мотивы текста. Потенциальные слова, созданные Ф. М. Достоевским, позволяют выявить тенденции словотворчества в художественной речи XIX в.

Статья поступила в редакцию 20.01.2021.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бокова О. А. Концепт «Тоска» в идиостиле Ф. М. Достоевского // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2014. № 1 (31). Ч. II. С. 35–37.
2. Иванов Вяч. Достоевский и роман-трагедия // О Достоевском. Творчество Достоевского в русской мысли 1881–1931 годов. М.: Книга, 1990. 428 с.
3. Иванчикова Е. А. Синтаксис художественной прозы Достоевского. М.: Наука, 1979. 286 с.
4. Муминов В. И. Особенности употребления классификаторов неопределённости признака в романе Ф. М. Достоевского «Идиот» // Вестник Удмуртского университета. Серия: История и филология, 2016. Т. 20. Вып. 6. С. 25–30.
5. Найдич Л. Э., Павлова А. В. Передача эмоциональных состояний в повести «Кроткая» // Эмоциональная сфера в языке и коммуникации: синхрония и диахрония. М.: Институт языкознания РАН, 2020. С. 88–107.
6. Николина Н. А. Словообразовательные средства и стиль (на материале произведений Ф. М. Достоевского) // Русский язык в школе. 1991. № 5. С. 54–65.
7. Переверзев В. Ф. Гоголь. Достоевский. Исследования. М.: Советский писатель, 1982. 511 с.
8. Ружицкий И. В. Механизмы языковой игры у Достоевского и Лескова // Неология как проблема лингвистической поэтики. М.: Азбуковник, 2018. С. 110–112.
9. Ружицкий И. В. Язык Достоевского: идиоглоссарий, тезаурус, эйдос. М.: Лексрус, 2015. 544 с.
10. Соловьев С. М. Изобразительные средства в творчестве Ф. М. Достоевского. М.: Советский писатель. 1979. 352 с.
11. Шайкевич А. Я., Андриященко В. М., Ребецкая Н. А. Статистический словарь языка Достоевского. М.: Языки славянской культуры, 2003. 880 с.
12. Шмид В. Нарратология. М.: Языки славянской культуры, 2003. 312 с.

REFERENCES

1. Bokova O. A. [Concept “Tosca” in the idiostyle of F. M. Dostoevsky]. In: *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philological sciences. Questions of theory and practice], 2014, no. 1 (31), iss. II, pp. 35–37.
2. Ivanov Vyach. [Dostoevsky and Novel-Tragedy]. In: *O Dostoevskom. Tvorchestvo Dostoevskogo v russkoi mysli 1881–1931 godov* [About Dostoevsky. Dostoevsky]. Moscow, Kniga Publ., 1990. 428 p.
3. Ivanchikova E. A. *Sintaksis khudozhestvennoi prozy Dostoevskogo* [The syntax of prose of Dostoevsky]. Moscow, Nauka Publ., 1979. 286 p.
4. Muminov V. I. [Features of the use of classifiers of uncertainty of a feature in the novel by F. M. Dostoevsky “The Idiot”] In: *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Seriya «Istoriya i filologiya»* [Bulletin of the Udmurt University. Series: History and Philology], 2016, vol. 20, iss. 6, pp. 25–30.
5. Naidich L. E., Pavlova A. V. [Transfer of emotional states in the story “Meek”]. In: *Emotsional'naya sfera v yazyke i kommunikatsii: sinkhroniya i diakhroniya* [The emotional sphere in language and communication: synchrony and diachrony]. Moscow, Institut yazykoznaniiya RAN Publ., 2020, pp. 88–107.
6. Nikolina N. A. [Word-building means and style (based on the works of F. Dostoevsky)]. In: *Russkii yazyk v shkole* [Russian language at school], 1991, no. 5, pp. 54–65.

7. Pereverzev V. F. *Gogol'. Dostoevskii. Issledovaniya* [Gogol. Dostoevsky. Research]. Moscow, Sovetskii pisatel' Publ., 1982. 511 p.
8. Ruzhitsky I. V. [Mechanisms of the language game in Dostoevsky and Leskov]. *Neologiya kak problema lingvisticheskoi poetiki* [Neology as a problem of linguistic poetics], Moscow, Azbukovnik Publ., 2018, pp. 110–112.
9. Ruzhitsky I. V. *Yazyk Dostoevskogo: idioglossarii, tezaurus, eidos* [Dostoevsky's language: idioglossary, thesaurus, eidos]. Moscow, Leksrus Publ., 2015. 544 p.
10. Solov'ev S. M. *Izobrazitel'nye sredstva v tvorchestve F. M. Dostoevskogo* [Visual means in the works of F.M.Dostoevsky]. Moscow, Sovetskii pisatel' Publ., 1979. 352 p.
11. Shaikevich A. Ya., Andryushchenko V. M., Rebetskaya N. A. *Statisticheskii slovar' yazyka Dostoevskogo* [Dostoevsky's Statistical Dictionary]. Moscow, Yazyki slavyanskoi kul'tury Publ., 2003. 880 p.
12. Shmid V. *Narratologiya* [Narratology]. Moscow, Yazyki slavyanskoi kul'tury Publ., 2003. 312 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Николина Наталья Анатольевна – кандидат филологических наук, профессор, профессор кафедры русского языка Института филологии Московского педагогического государственного университета; e-mail: natnikmoskva@gmail.com

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Natalia A. Nikolina – Cand. Sci. (Philology), Prof., the Russian Language Department, Institute of Philology, Moscow State Pedagogical University. e-mail: natnikmoskva@gmail.com

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Николина Н. А. Экспрессивные словообразовательные средства в произведениях Ф. М. Достоевского // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2021. № 2. С. 41–47.

DOI: 10.18384/2310-7278-2021-3-41-47

FOR CITATION

Nikolina N. A. Expressive Word-formation Means in the Works of F. Dostoevsky. In: *Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Russian Philology*, 2021, no. 2, pp. 41–47.

DOI: 10.18384/2310-7278-2021-3-41-47